

ГЛАВА 16. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К АВТОРИТАРИЗМУ НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Дискуссия о соотношении социального государства (используем этот термин — вместо «государства всеобщего благоденствия» — как более полно описывающий всё многообразие социальных функций, выполняемых государством), и политического режима (в нашем случае — авторитарного), о возможностях и пределах их «сожительства», идёт давно. Связана она с вопросом о том, в какой степени необходимо, чтобы социальное государство гарантировало не только определённый уровень материального благополучия, личной и имущественной безопасности, но и те индивидуальные права и свободы, которые обычно относятся к либерально-демократическим. В этой связи ряд исследователи жёстко разделяют авторитарное и социальное государство, считая, что «реализация такого требования социального государства как свободное развитие всех без исключения граждан» в авторитарных режимах невозможна, а вся социальная деятельность этих государств направлена на сохранение существующего порядка²¹⁵. При этом, в массовом сознании социальное государство обычно связано с принципом обеспечения каждому члену общества минимального стандарта потребления материальных и социальных благ и услуг.

Другой взгляд на эту проблему состоит в том, что эффективно функционирующее социальное государство, в первую очередь, создаёт условия для роста уровня материальной обеспеченности всех основных общественных групп и стимулирует вертикальную социальную мобильность. Этой точки зрения придерживаются либералы, критикующие первую модель за излишний патернализм, культивирующий в гражданах иждивенческие настроения. Но проблема в том, что исходным критерием выделения социального государства в особый тип стал именно государственный патернализм, обращённый на всех членов общества независимо от их общественного статуса. А социальную мобильность как инструмент решения социальных проблем предложили вовсе не либералы.

Понятие «социальное государство» впервые использовал в 1850 г. немецкий философ Л. фон Штейн, который считал, что к функции такого государства следует относить

²¹⁵ Русаков В. М., Саранчин Ю. К. Социальное государство: кризис или закат? // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11(19).

«поддержку полного равенства прав для всех общественных классов и отдельной личности посредством своей власти»²¹⁶. Государство, по фон Штейну, «обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысл социального государства»²¹⁷. Л. фон Штейн считал, «что любая монархия станет пустой тенью, превратится в деспотию или погибнет в республике, если не найдет в себе нравственного мужества стать монархией социальных реформ»²¹⁸. Он пытался найти возможности самому государству устранить социальные риски, возникающие ввиду классовых противоречий, неизбежных в капиталистическом обществе, не посягая на его классовую сущность, а стремясь доступными средствами минимизировать противоречия. Для этого фон Штейн предложил, чтобы неимущие классы (прежде всего пролетариат) с помощью государственной власти попытались «изменить свое зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально-свободное»²¹⁹ и получить возможность смены социального статуса за счёт вертикальной социальной мобильности. «Ибо не духовное или хозяйственное богатство, а живое и свободное движение, делает это богатство достижимым для каждого», — писал он²²⁰.

Идея социального государства противоречит либеральной идеологии, заявляющей устами, например, немецких «свободных демократов», что: «Столько государства, сколько необходимо, но так мало, как возможно». Либералам принадлежит идея «государства — ночного сторожа», функции которого (в т. ч. право влиять на частную жизнь) ограничены необходимостью защиты прав и свобод граждан, поддержкой свободных рыночных отношений и защитой конкуренции.

У. Самнер писал, что «мы не имеем других альтернатив кроме как: свобода, неравенство, выживание сильнейших или несвобода, равенство, выживание самых слабых. Первая ведет к развитию общества, последняя — к его кризису». То есть с его точки зрения, вмешательство государства не только не решает проблему социального неравенства, а, напротив, мешает росту благосостояния, не позволяя человеку стать «предпринимателем своей судьбы». Эта позиция легла в основу известных либеральных моделей общественного устройства и организации социальной помощи²²¹.

Концепт социального государства не является и изобретением левых. Как утверждает Е. Гонтмахер, люди левых взглядов к идее социального государства «относились очень

²¹⁶ Цит по: Милецкий В. П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / под ред. М. А. Василюка, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. С. 82.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 70.

²¹⁹ фон Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. С. 281.

²²⁰ фон Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. С. 524.

²²¹ Сидорина Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благоденствия проблемы идеального государства // Terra economicus. 2012. Т. 10. № 3. С. 85.

плохо до поры до времени, поскольку надеялись на революцию по-марксистски и осознавали её консервативные истоки. И только после Второй мировой войны они восприняли тему социального государства, введя её в свой собственный канон»²²².

Согласимся, что социальное государство — не социалистическое, и признание его означало бы для левых поступиться их революционными принципами, предполагавшими бескомпромиссное уничтожение классового общества и института собственности. Цель социализма, утверждал Г. Рормозер (ссылаясь на Маркса) — не достижение справедливости или материального равенства, а радикальное снятие самих этих вопросов с повестки дня человечества²²³. Слишком долго левая мысль рассматривала государство только как инструмент принуждения и подавления в руках класса эксплуататоров, предполагая, что после исчезновения классов государство должно потерять свой инструментальный статус и «отмереть».

Ряд современных специалистов считает, что концепция социального государства фон Штейна была попыткой найти своеобразный компромисс между либеральной позицией, отводящей государству роль «ночного сторожа», и левой традицией, идущей от К. Маркса и предполагавшей социализацию государства, хотя бы на первых порах.

Однако, по мнению других, такая формулировка не совсем точна, потому что концепция социального государства представляет собой не столько компромисс, сколько поиск нового, «третьего пути», отличного от двух, одинаково неприемлемых, альтернатив. Главная задача такого государства — устранение противоречий, возникающих в классовом буржуазном обществе при его сохранении и прямом участии, которое должно быть направлено на организацию социального обеспечения и предоставление достойных условий жизни и возможностей для развития неимущих. Это «позволило бы смягчить обострившиеся классовые противоречия и установить относительный баланс интересов между различными слоями общества»²²⁴.

Непосредственное воплощение идеи фон Штейна получили при правлении германского канцлера О. фон Бисмарка в конце 1870–1880-х гг. Его советниками были консервативно-реформистские учёные-политэкономы и университетские профессора. Самые известные из них А. Вагнер, Л. Brentano и Г. фон Шмоллер выступали за вмешательство государства в экономику для построения государственного социализма «сверху» (против социализма «снизу» революционных социалистов). Они «поняли, что государство должно сделать своей главной задачей «поднятие» низших классов, чтобы прекратить их революционные действия», считала Л. Н. Кочеткова²²⁵. Эти советники инициировали в Германии разработку и принятие законов об обязательном профессиональном страховании отдельных групп работников, чтобы аккумулировать необходимые финансовые

²²² Гонтмахер Е. Ш. Кризис социального государства в либеральной перспективе // Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы. М.: Мысль, 2019. С. 71.

²²³ Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996. С. 66–86.

²²⁴ Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 8–9.

²²⁵ Там же. С. 9.

средства, гарантирующие оказание им медицинской помощи, и обеспечивающие относительно высокий уровень страховых выплат в случае нетрудоспособности. В итоге, стараниями Бисмарка, был принят ряд основополагающих законов о страховании по болезни, старости и инвалидности, от несчастных случаев, что стало первым этапом становления социального государства, «характеризующегося выявлением социальных рисков наёмного труда и законодательной защитой от них» в рамках существующей капиталистической системы²²⁶. Такая социально-правовая конструкция получила название «модель Бисмарка» (или «Прусский социализм») и в модифицированном виде долгое время использовалась в Германии и других странах.

Изначально эти гарантии касались, в основном, индустриального рабочего класса, как наиболее сознательного и организованного, вызывающего у правящих кругов особые опасения. Однако, под влиянием рабочего движения, немецкие законодатели распространили систему социального страхования на остальных наёмных работников (торговых служащих, транспортников, сельхозработников и домашней прислуги)²²⁷.

С той же целью идею «социального государства» в 1911 г. начал реализовывать в Великобритании премьер-министр Д. Ллойд Джордж, проведя через Парламент закон о государственном страховании, дающий право на обеспечение по болезни и нетрудоспособности, а также закон о страховании по безработице. Таким образом, именно система обязательного социального страхования стала «стержнем» социального государства, хотя и очень по-разному была реализована в различных государствах.

Этот набор социально-экономических мер, которые теперь называют социальным государством, является развитием и дополнением набора социально-политических инструментов, который в политической науке XVIII–XIX вв. называли «полицией». При этом понимание термина «полиция» в трудах французских и немецких мыслителей, занимавшихся теорией государства и права, было шире, чем сейчас. Для них «полиция» — это не просто силовая структура по поддержке законного порядка, а определенная технология управления. «Наука полиции» (нем. *Polizeiwissenschaft*) была призвана не только помогать управлять населением, но и решать такие социальные задачи, как повышение образованности, забота о здоровье, обеспечение занятости, «не упуская, ... из вида ни ту пользу, ни тот вред, который могут принести обществу отдельные индивиды»²²⁸. Главная цель полицейского государства — достижения народного благоденствия и счастья, — считал немецкий экономист XVIII в. И.Г. фон Юсти, впервые употребивший термин «наука полиции»²²⁹. Государство для него — «нравственный организм»: «Земли, им занимаемые,

²²⁶ Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве. М.: ИНФА-М, 2012. С. 72.

²²⁷ Канарш Г. Ю. Социальное государство: исторический генезис и современные модели // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 134.

²²⁸ Фуко, М. *Omnes et singulatim*: К критике политического разума // Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. С. 311–317.

²²⁹ Нижник Н. С. Полицейское государство — государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21223. (дата обращения: 13.01.2022).

должны быть обработаны и использованы, города — это кровеносные сосуды, по которым циркулирует богатство, и они должны быть устроены безопасно, удобно и красиво, а население должно умножаться, о его здоровье необходимо печься... И все это называется «полицией»»²³⁰.

Нюанс состоит в том, что полицейское государство «всеобщего блага» — это абсолютистское государство, где благосостояние населения зависит от воли просвещённого монарха, считающего своим государственным интересом увеличение «народонаселения» и улучшение его качества. «Сильное независимое государство и могучий властитель были необходимыми условиями духовного и материального благосостояния подданных, а счастье их имплицитно приравнивалось к максимизации творческого потенциала государства угодными Богу способами», — пишет об этом американский историк М. И. Раев²³¹. Поэтому главными заботами «полиции» были численность населения, обеспечение его жизненных потребностей, производственная деятельность и торговля.

Это то, что следом за М. Фуко, можно назвать «биополитическим поворотом», связанным с эпохой Просвещения, когда стали формироваться новые государственные практики, способствующие росту государства «изнутри», связанного с повышением благополучия населения, как главного источника государственных доходов. Это означало превращение прежнего «государства территории» в «государство населения», что требовало формирования принципиально иного отношения к человеческой жизни. Люди, их здоровье, уровень образования, профессиональная пригодность и т. д., всё больше признавались «государственным интересом»²³². На практике это требовало, чтобы к классическому государственному «аппарату власти» был добавлен «аппарат безопасности». В итоге, «биополитика... берет под контроль управление здоровьем, питанием, рождаемостью и т. д.», представляя собой «своего рода великую «социальную медицину», которая, как способ управлять жизнью, получает применение в контроле над населением... Она начинает включаться... во все аспекты жизни, которые впоследствии становятся местами развёртывания политики государства всеобщего благосостояния», — писал по этому поводу А. Негри²³³.

Этапным для последующей эволюции полицейского государства стал вышедший в Германии в начале 1830-х годов труд Р. фон Моля «Наука полиции по началам юридического государства». В ней фон Моль в сферу деятельности «полиции» поместил оказание государством социальной помощи, что означало устранение «силой государства» не связанных с правонарушениями препятствий для развития «человеческих сил и способностей, которые не в состоянии удалить ни отдельное лицо, ни их дозволенный

²³⁰ Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо // Отечественные записки. URL: <https://strana-oz.ru/2012/2/policeyskoe-gosudarstvo-i-vseobshchee-bлаго>. (дата обращения: 13.01.2022).

²³¹ Там же.

²³² Фуко М. «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975–1976 учебном году. С-Птб.: Наука, 2005. С. 256–268.

²³³ Негри, А. Труд множества и ткань биополитики // Синий диван. 2008. № 12. С. 79–80.

союз»²³⁴. Он рассмотрел все эти препятствия и роль «полиции» в их преодолении, от противодействия болезням до помощи государства при «затруднении удовлетворить необходимые жизненные потребности»²³⁵. Он считал законодательство исключительным средством, которое обеспечивает эффективное функционирование государственной власти, поэтому «полиция» может осуществлять свою деятельность только на основе права²³⁶. То есть Моль впервые заговорил о правовом государстве, идущем на смену полицейскому, поэтому ряд исследователей считают его первооткрывателем социального государства.

Но есть нюанс. Ф. фон Хайек пишет: «Словом «социальный» злоупотребляют во всем мире, но до крайних форм это дошло в Западной Германии, где конституция 1949 года содержала выражение *sozialer Rechtsstaat* — «социальное правовое государство». Это выражение, по Хайеку, содержит «конфликт между государством правовым и социальным», т. к. принципы социального государства приостанавливают «правление» права²³⁷.

Итак, возникновение концепции социального государства явилось не только результатом развития социально-политических и экономических идей, но и ответом на запросы самого общества и актуальных практик государственного управления XIX в. Это был закономерный переход от модели полицейского государства к модели государства, берущего на себя ответственность за социально-экономическое состояние населения, его социальное обеспечение и защиту. Идея «полиции» изначально была связана с безопасностью, понимаемой в широком смысле. Но о полной безопасности вряд ли возможно говорить, если сама социально-экономическая реальность ведут к социальному размежеванию и конфликтам. В итоге, биополитические механизмы дополняются механизмами социальной защиты, и контуры личной и общественной безопасности замыкаются. «Социальное государство оказывается государством полицейского вмешательства в хозяйственные дела, но не только в хозяйственные»²³⁸, где за счёт государственного управления («полиции»), но уже на основе публичного права, формируется новая государственная политика, а в сферу «государственного интереса» попадает человек, как источник общественного богатства, не только подлежащий контролю и нормированию (по Фуко²³⁹), но ещё и нуждающийся в помощи и защите.

²³⁴ Ф. Лассаль примерно в тех же словах доказывал преимущества государственного социализма, утверждая, что государство «может сделать для каждого то, что никто по отдельности не смог бы сделать сам для себя».

²³⁵ Опарин А. Ю. Фукольдиданский концепт биополитики // Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом: материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (28 октября 2013 г.). Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. Т. 5. С. 246.

²³⁶ Пирожок С.С. Роберт фон Моль о роли полиции в реализации социальной функции государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2016. № 1 (69). С. 34–35.

²³⁷ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. — М.: Новости, Catallaxy, 1992. С. 201.

²³⁸ Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо // Отечественные записки. URL: <https://strana-oz.ru/2012/2/policeyskoe-gosudarstvo-i-vseobshchee-blago>. (дата обращения: 13.01.2022).

²³⁹ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. С.-Петербург.: Наука, 2011. С. 86–132.

Был ли это добровольный выбор политических и экономических элит? Как мы видим, нет. «Заставить элиту преодолеть социальный эгоизм и согласиться на содействующее социально-экономическому развитию, а не деградации, распределение национального богатства» способно «только чувство опасности, исходящей от внутренних (социальный взрыв) или внешних угроз», когда «альтернативой перехода к более справедливому социальному порядку оказывались социальные потрясения с непредсказуемыми для элиты последствиями», — считает О. Александрова²⁴⁰.

Как известно, абстрактные теоретические типологии политических режимов не имеют особого интереса для тех, кто хочет понять суть происходящего в обществе. Они являются нормативными моделями, имеющими мало общего с тем, как реально распределена власть и как она взаимодействует с обществом. Проблема взаимоотношений проделавшего сложную эволюцию социального государства и политического режима из того же ряда, тем более что терминологические границы понятий «демократия» и «авторитаризм» и их реальное современное содержание вряд ли могут быть установлены.

И дело даже не в том, что за последние десятилетия понятие демократии девальвировалось даже в странах Запада, и не в нарастающих авторитарных тенденциях, которые наблюдаются в ряде посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, удачно «демократизированных» на рубеже 1989–90-х гг. Британский экономист Д. М. Кейнс сформулировал «невозможную трилемму» о том, что нельзя одновременно «максимизировать свободу, справедливость и эффективность». А. А. Аузан в этой связи отмечает, что сейчас в мире представления о свободе меняются, (она уже не на первом месте), и растут представления об эффективности, как безопасности и справедливости, что, в свою очередь, усиливает авторитарные настроения. И это стало глобальным политическим трендом.

Р. Дарендорф писал, что не все посткоммунистические страны выдержат поход за «демократией», «возможно, люди даже захотят вернуться в атмосферу определенности, которая существовала при рухнувшем старом строе и к которой они наверняка будут испытывать чувство ностальгии»²⁴¹. Но, похоже, что авторитарные тенденции имеют более сложные причины, чем ностальгия по прошлому. Как пишут И. Крастев и С. Холмс: «Откат к антилиберализму стал... неизбежным ответом мироустройству, не предусматривавшему политических и идеологических альтернатив. Именно их исчезновение, а не тяга к авторитарному прошлому или историческая враждебность к либерализму, лучше всего объясняет нынешние антизападные настроения в посткоммунистических обществах»²⁴². Им вторит К. Клеманн, утверждая, что важная составляющая авторитаризма — «слабость идеологического противостояния... Именно поэтому популистские и авторитарные партии

²⁴⁰ Руденкин В.Н. Может ли авторитарное государство быть социальным? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1. С. 58.

²⁴¹ Дарендорф Р. Испытание авторитаризмом // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/iskushenie-avtoritarizmom/>. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁴² Симулякры демократии (отрывок из книги политологов Ивана Крастева и Стивена Холмса) // Огонёк. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4389355>. (дата обращения 13.01.2022).

и движения становятся успешными. Речь, прежде всего, идет об исчезновении идейной альтернативы либеральному капитализму»²⁴³.

О смене приоритетов свидетельствуют социологические опросы. Например, Аузан отмечает, что в России очевиден рост патерналистских настроений: «если, согласно нашим исследованиям, в 2017 г. 41% россиян считали, что государство должно заботиться о каждом (а большинство полагало, что роль государства — лишь создать условия), сейчас этот показатель вырос до 51%. Этот социально-психологический поворот в России зрел уже давно»²⁴⁴. Г. Ю. Канарш пишет об идее социальной справедливости как о «подлинной национальной» для России, по поводу которой «в обществе существует широкий национальный консенсус». При этом «отличительной чертой российского социума в этом отношении является также то, что основные надежды по достижению социальной справедливости возлагаются на государство»²⁴⁵.

12 февраля 2021 г. ВЦИОМ опубликовал результаты исследования взглядов россиян на цели и задачи государства «в текущей ситуации». **Согласно этому исследованию, с утверждением, что главная обязанность государства — заботиться обо всех и оказывать социальную поддержку, были согласны 96%** опрошенных, при этом позицию, что **роль государства в жизни общества** должна вырасти, поддержали 65% опрошенных, и только 26% высказываются за минимизацию государственного вмешательства²⁴⁶.

В Беларуси в последние годы также было проведено ряд социологических исследований. В ноябре 2021 г. был представлен аналитический доклад «Ценностный портрет современного белорусского общества», подготовленный Белорусским институтом стратегических исследований (БИСИ), основанный на опросе «Социокультурный портрет современного белорусского общества» (ноябрь-декабрь 2020 г.). «Идеей, способной сплотить белорусский народ, — пишут исследователи, — общество в первую очередь считает стремление к... повышению благосостояния и качества жизни (почти 90% респондентов). В то же время подобный прагматизм... сочетается с ярко выраженным патернализмом. Граждане принимают как должное уже обеспеченные им гарантии и блага (бесплатные медицина и образование, социальные льготы и гарантии, помощь уязвимым слоям населения, качественная инфраструктура и т. д.)», — констатируют они. Согласно исследованию, около 95% опрошенных высказались за безусловное сохранение всех благ и гарантий, предоставленных обществу и обеспечиваемых государством. При этом, граждане надеются на расширение гражданских прав и свобод, хотят быть

²⁴³ Клеманн К. В чем проблема с авторитаризмом? // НЛО. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nerikosnovennyu_zapas/121_nz_5_2018/article/20360/. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁴⁴ Аузан А. А. Новый договор: как меняется спрос общества на государство // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/416519-s7-razreshila-perevozit-domashnih-zhivotnyh-na-sosednem-s-hozyainom>. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁴⁵ Канарш Г. Ю. Социальное государство: исторический генезис и современные модели // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 129.

²⁴⁶ Государство и общество: цели, приоритеты, императивы // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy>. (дата обращения: 13.01.2022).

услышанными властью, считая это фактором повышения эффективности госаппарата, но в тоже время сдержанно относятся к выборности органов власти. Опросы также показали, что «оптимальной моделью общество считает государство равных стартовых возможностей», — так считают 45,7% опрошенных; ещё 20,2% хотели бы жить в обществе, в котором государство обеспечивает примерно равный и достаточный уровень благосостояния граждан; и только 9,1% предпочитают общество, в котором государство минимально вмешивается в их жизнь, а государственная сфера ограничена поддержкой незащищённых групп населения²⁴⁷. Из этого авторы исследования делают вывод, что всё это «свидетельствует о признании успешности действующего в Беларуси проекта социального государства, как базовой платформы дальнейшего развития страны»²⁴⁸. Особо отмечается, что «безопасность» и «свобода» имеют примерно равное значение для белорусов²⁴⁹. Однако отношение к «свободе» у граждан Беларуси «особое», говорят исследователи. «Наши люди со свободой ассоциируют возможность самореализации, проявления творческой инициативы, реализации лидерских качеств», — так прокомментировала эту проблему эксперт БИСИ О. Богомаз²⁵⁰.

Возвращаясь к проблеме «социальное государство и политический режим», напомним, что идея такого государства рождена отнюдь не в либерально-демократической традиции, и не предполагала первоначально какой-либо широкой реализации либеральных прав и свобод граждан; она имела скорее «охранительную функцию», направленную на стабилизацию социально-политического положения в стране и укрепление господства элит. Эта идея предполагала сильную роль государственного социально-правового регулирования с известной долей патерналистского участия (или даже вмешательства) в частную жизнь. Иными словами, социальное государство — это про социально-экономические гарантии, а не про политические права, и оно непосредственно не связана с демократической традицией.

При этом, большинство специалистов, занятых проблемой социального государства, считают, что оно возможно только в условиях демократического политического режима. В основе их аргументации то, что только демократия может создать условия, обеспечивающие надлежащий уровень благосостояния всех граждан и поддержку социально уязвимых слоёв. «Социальное государство — это всегда демократическое государство», в котором наряду с социальными правами гарантированы политические права и свободы, на основе которых формируется гражданское общество, способное добиваться от государства выполнения взятых обязательств, считает Л. Н. Кочеткова²⁵¹.

²⁴⁷ Аналитический доклад БИСИ «Ценностный портрет современного белорусского общества» презентован в Минске // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2021/october/66835/>. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁴⁸ Алейникова С.В. Ценностный портрет современного белорусского общества // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 140–141, 146.

²⁴⁹ Лашук И.В. Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований) // Журн. Белорусского гос. ун-та. Социология. 2021. № 1. С. 95.

²⁵⁰ Аналитический доклад БИСИ «Ценностный портрет современного белорусского общества» ...

²⁵¹ Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 14.

Альтернативная точка зрения предполагает, что не политический режим лежит в основании отнесения тех или иных государств к социальным, а уровень социальной защиты и степень доступности населению социальных благ. В этом смысле, функция социальной защиты «реализуется всеми государствами мира, только в различных объёмах», поэтому «социальные государства могут быть и недемократическими, а следовательно, неправовыми»²⁵², то есть социальным может быть любое государство, независимо от его экономической и/или идеологической сути. Вспомним, что упомянутый выше фон Хайек считал, что для обозначения того, что в настоящее время называют «социальным государством», традиционно употреблялся термин «благожелательная деспотия»²⁵³, отсылая нас снова к просвещённому абсолютизму полицейских государств XVIII в.

Другие исследователи считают, что социальными в той или иной степени становятся все государства, которые на этапе индустриального развития вынуждены обеспечивать своим гражданам приемлемый уровень жизни по разным причинам — от поддержки внутренней стабильности до использования доходов населения для поддержания внутреннего спроса. «Этот процесс, — отмечает О. В. Родионова, — происходит в любом современном социальном государстве. Таким образом, социальным может быть как демократическое правовое государство, так и тоталитарное. Ярким примером социального государства при наличии тоталитарного... режима являлся СССР»²⁵⁴.

Как пишет В. Н. Руденкин, при разрешении проблемы режима и его связи с социальным государством стоит обратить внимание на относительно высокие позиции стран с авторитарными режимами в мировых рейтингах, «ранжирующих государства мира по уровню и качеству жизни» — наряду с демократическими странами. В связи с чем он задаётся вопросом: если феноменальная сторона социального государства связана «с установлением ответственности государства за обеспечение каждому гражданину достойного уровня жизни», то почему это возможно только в условиях демократии и можно ли обнаружить тут какую-то логическую связь? Ведь в современном мире есть «немало государств с авторитарными режимами, демонстрирующих ответственное отношение к своим гражданам в плане обеспечения им достойного уровня жизни», — пишет он²⁵⁵.

Например, в существующем Индексе человеческого развития (ИЧР), который составляется Программой развития ООН и является комплексным сравнительным показателем образования, ожидаемой продолжительности и уровня жизни для всех стран мира, «частично свободная» с точки зрения уровня политических и гражданских свобод Венгрия и «несвободные» Россия и Беларусь находятся в группе стран с очень высоким уровнем ИЧР. При этом последние существенно улучшили свои позиции в этом рейтинге

²⁵² Евстратов А. Э. Социальное государство и политический режим // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 39–40.

²⁵³ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, Catallaxy, 1992 С. 202.

²⁵⁴ Родионова О. В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства // Lex Russia. 2015. № 1. С. 28–29.

²⁵⁵ Руденкин В. Н. Может ли авторитарное государство быть социальным? ...

за текущие пять лет, обогнав некоторые «свободные» и «демократические» страны постсоветского пространства, не говоря про другие страны третьего мира.

С другой стороны, есть благополучные и демократические Нидерланды, ИЧР которых ещё выше. При этом король Нидерландов Виллем Александр ещё в 2013 г. объявил о конце «государства всеобщего благосостояния». На его «обломках» он предложил построить «общество активного участия» (*participation society*), предполагающее сокращение социальных расходов государства и повышение ответственности за собственное благосостояние самих голландцев. «Так завершилась (по крайней мере, на символическом уровне) очередная «европейская экономическая сказка», предполагавшая высокий уровень жизни всего населения страны», — написала тогда Lenta.Ru²⁵⁶.

Впрочем, это не отменяет правило — социальное государство в условиях развитой демократии обеспечивает поддержание баланса между принципами экономической эффективности и социальной справедливости. Но именно оно теперь погружается в кризис, вызванный рядом причин. «Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан страху перед коммунизмом, — писал в 1999 г. А. А. Зиновьев. — После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массированная атака на социальные права граждан. Сегодня социалисты, находящиеся у власти в большинстве стран Европы, ведут политику демонтажа системы социальной защиты...»²⁵⁷. Старение населения, структурные изменения рынка труда, неконтролируемая миграция, глобализация, кризис национального государства — всё это также сказывается на состоянии социального государства в западных странах. Демонтаж последнего существенно ускорился под воздействием глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., который потряс «устой капиталистической экономики» и вынудил многие западные страны «начать резкое сокращение или даже полное упразднение многих социальных программ и гарантий»²⁵⁸. В итоге, как пишет по этому поводу Т. Пикетти: «Одни требуют возвращения государства во всех видах, подразумевая, что оно исчезло; другие настаивают на его немедленном демонтаже, в том числе и там, где оно и так уже присутствует в минимальном виде». По мнению этого левого экономиста, необходимо «вновь установить контроль над обезумевшим финансовым капитализмом и... провести обновление и глубокую долговременную модернизацию систем налогообложения и расходов, на которых зиждется современное социальное государство и которые достигли такой степени сложности, что порой утрачивают свою эффективность с социально-экономической точки зрения»²⁵⁹.

²⁵⁶ Тюльпан завял Король Нидерландов объявил о завершении эпохи «всеобщего благосостояния» // «Лента.Ру». URL: <https://lenta.ru/articles/2013/09/19/netherlands/>. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁵⁷ Запад против России. Взгляд философа // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁵⁸ Буткалюк, В. А. Крах теории и практики «государства благосостояния» // Социологический альманах. Выпуск 5. Минск: «Беларуская навука», 2014. С. 136.

²⁵⁹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. С. 471–472, 480.

В этой связи принято считать, что коллективный Запад вовсе не обладает монополией на социальное государство. Всё больше интереса вызывают его незападные модели, особенно — восточноазиатские; это связано с двумя причинами: ростом доли участия этих стран в глобальной экономике и их влияния в глобальной политике (особенно Китая), что не может не вызывать роста общего интереса к ним; вторая причина методологическая — долгое время типологизация социальных государств шла по аналогии с западноевропейскими моделями. А эти страны в основном — авторитарные.

Особняком стоят страны постсоветского пространства со своими авторитарно-коллективистскими моделями организации власти и бывшие страны «народной демократии» (в ряде которых формируются свои особые «авторитаризмы», социальная реальность которых — «конкретные формы порядка, стабильности, наличия правил, восстановления национального суверенитета, сильного правительства»²⁶⁰ — пока мало и редко ущемляет политические свободы и права обычных людей²⁶¹), где идут свои процессы трансформации социального государства. Они, осуществляя свою «догоняющую» модернизацию, избирательно используют в этом процессе опыт западных стран, с учётом собственных исторических и социокультурных традиций, несмотря на давление международных институтов, навязывающих им стереотипизированное видение роли и функции социального государства.

Главной особенностью этих стран является наличие собственного опыта использования предоставляемых государством социальных гарантий, приобретённого в то время, когда они входили в состав СССР и управлялись коммунистическими (социалистическими, рабочими и т. д.) партиями. Это во многом определяет социальные ожидания населения, о чём говорят социологические опросы, и задаёт специфику социальной политики приходящих к власти лидеров, вынужденных учитывать эти ожидания.

Наверное, это часть нашего общего постсоветского «кода», что нельзя представить себе государство более «социальное», чем СССР: с точки зрения его социальной политики и реальных достижений оно было одним из ведущих социальных государств мира. Список социальных гарантий, которые распространялись как на все слои населения, так и на отдельные, специально оговорённые его группы (например, молодёжь, сирот, престарелых и т. д.) в СССР был очень широк, и постоянно расширялся.

Из той же эпохи, например, постсоветский патернализм, который имеет не только традиционные корни (не выходя, по словам, К. Г. Холодковского, за пределы общих параметров патерналистской «культуры подданных»²⁶²), но и связан с историческими обстоятельствами формирования СССР. Трагические последствия войн (двух мировых и гражданской) увеличили зону социальной ответственности молодого Советского государства (помощь сиротам, социализация беспризорников, поддержка семей, лишившихся

²⁶⁰ Клеманн К. В чем проблема с авторитаризмом? // НЛЮ ...

²⁶¹ Pepinsky T. Everyday Authoritarianism Is Boring and Tolerable URL: <https://tompepinsky.com/2017/01/06/everyday-authoritarianism-is-boring-and-tolerable/>. (дата обращения: 13.01.2022).

²⁶² Власть в политической культуре России (семинар 9 апреля 2009 г., ИНИОН РАН, с участием журнала «Политическое образование») // Труды по Россияведению. 2010. № 2. С. 289–335.

кормильцев, и т. д.; в более широком плане социальной модернизации — построение заново систем доступного государственного здравоохранения и народного образования, ликвидация безграмотности, социализация женщин), что в целом совпадало с идеологическими целями на обобществление социального пространства. «Такая политика приветствовалась большинством населения и как привычная, и по той психологической причине, что государство, принимая на себя все больше обязательств, теоретически должно было... принимать на себя и ответственность за те... жизненные ситуации, которые оно обещало контролировать», — замечает Н. М. Плискевич²⁶³.

Другая особенность этих стран — слабость гражданского общества, которое в западных странах является основным партнёром (или оппонентом) государства в формировании и поддержании контуров и функций социального государства, заставляя власти придерживаться взятых на себя обязательств. Иначе «любые попытки посягнуть на социальные завоевания вызывают серьёзное противодействие со стороны гражданского общества»²⁶⁴.

Причин возникающих проблем с гражданским обществом в посткоммунистических странах множество, включая репрессии со стороны органов власти в отношении его структур. Поэтому инициатором и главной силой социальных реформ здесь выступает государство, которое традиционно является центром экономической, социальной, политической и культурной жизни. Следствием чего становится то, о чём белорусские социологи пишут как о «государствоцентризме» ценностной матрицы белорусского общества, что, в частности, «выражается в его готовности следовать предлагаемым властью моделям — как патерналистской, в которой государство является «опекуном», так и партнёрской»²⁶⁵, необходимость перехода к которой с подачи властей давно обсуждается в стране.

Иными словами, социальное государство вполне может обходиться без демократии и гражданского общества, «питаясь» накопленными традициями совместного общежития государства и общества. Всё это приводит нас к выводу о целесообразности выделения моделей авторитарного социального государства, характерных для ряда «транзитивных» стран Европы и незападных стран. При этом мы должны говорить о множественности этих моделей. Общим у них, как представляется, является одно: возможность функционирования в недемократических условиях и необходимость особых адаптационных решений при переходе к демократии. При этом социальное государство является важнейшим элементом социального контракта между авторитарной властью и населением, обеспечивающим его лояльность.

Остаётся последний вопрос: есть ли предел компромисса между авторитаризмом и социальным государством. Авторитарное государство, как показано выше, может выступать в качестве гаранта соблюдения социальных прав граждан. Более того, с точки зрения широко трактуемой безопасности (включая личную, имущественную, охрану здоровья

²⁶³ Плискевич Н. М. Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // ВТЭ. 2019. № 1. С. 106

²⁶⁴ Руденкин В. Н. Может ли авторитарное государство быть социальным?...

²⁶⁵ Алейникова С. В. Ценностный портрет современного белорусского общества // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 146.

и т. д.) авторитаризм может показать более высокую эффективность, нежели демократия. Ещё более эффективно он способен внушать ощущение стабильности: «Не столь важно, насколько стабильна ситуация в реальности, важно само *ощущение стабильности*. Желание стабильности — одна из характеристик нормативной модели авторитаризма»²⁶⁶. Безопасность и стабильность относятся к базовым потребностям, их дефицит — сильнейший ресурс авторитарной (и любой другой) власти. Но растущее социальное неравенство (например, «Удивительно, насколько широко распространена сейчас в России критика неравенства, особенно в регионах: ее высказывают 80% респондентов на Алтае и 67% в Астрахани»²⁶⁷); или наступление пандемической ситуации, как это случилось в 2020 г., может поставить их под сомнение. «Если раньше под безопасностью скрывался тезис о том, что нет войны и разгула преступности, то в условиях пандемии оказалось, что есть еще одно измерение безопасности — это безопасность здоровья и жизни», — говорят эксперты²⁶⁸. Вполне вероятно, что тогда неожиданно может зайти речь о политических правах и свободах как условиях обеспечения безопасности и стабильности. Это то, что возможно не предусмотрел даже сам А. Маслоу в своей «пирамиде потребностей». Запрос на демократизацию и установление вертикальных каналов связи с властью может положить конец «сожительству» авторитаризма и социального государства в его нынешнем виде. Но в условиях взаимозависимости это может оказаться смертельно для обеих сторон.

²⁶⁶ Клеманн К. В чем проблема с авторитаризмом? ...

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Беларусь и социальный контракт: заплатит ли Лукашенко цену за неустойку? // openDemocracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/belarus-covid/>. (дата обращения: 13.01.2022).